
САЛДАЦЬКІЙ ПАТРЕТЪ.

ПОВРЕХЕНЬКА.

Бувъ собі колысь-шо, якійсь-шо маляръ...
ось на уми вершышця якъ ёго звали, ша не зга-
даю... Ну дарма: маляръ ша й маляръ. И що по
бувъ за скусный! — Гай, гай! шамъ морока ёго зна,
якъ гарно малёвавъ! Чы вы, хшо сю кныжку чыпа,
або слуха, думаше що винъ малёвавъ шакъ со-
би, проспо, абы якъ; що шилки розмиша крас-
ку: чы червону, чы бурякову, чы блакышну,
чы жовшу, ша шакъ проспо й маже чы спилъ,
чы скрыню? Э! ви; пошрывайше лышень! шакы
що вздрышъ, шакъ нашрешъ зъ нёго и вчеше,

хоть бы шо бувъ кавунъ, або видро, або свыня; паки жывисинько воно и е; шилки посвышпыть, па й годи! — Разъ о смыху було! хлопци ажъ кышкы порвалы видъ регосу. — Змалёвавъ винъ, паки нашого опця Мыкышы кобылу; па якъ же жыво улипывъ, що нечысый ёго зна! — Ну; намалёвавши, па й каа намъ: шеперь, хлопци, дывипесь що за кумедья буде! А мы каемо: а ну, ну, що шамъ буде? А винъ каа: а йдишь лышень за мною, па й несишь папрешъ поповои кобылы. Опъ мы узавшы, па й пишлы, па по ёго наущеню и поспавылы быля панопцевого двора, пидперлы и гарненько, паки шочнисинько якъ кобыла споишь: и на одно око слипа, и хвисъ вырванный, и рёбра ий повылазылы, па ще й голову понурыла, мовъ пасепця, а самы узавшы, па й попрысыдали по пидъ плошомъ, па й ждемо башюшку, а самы шулымось якъ мога, щобъ не регопашысь. Ажъ ось зыркъ иде нашъ опецъ Мыкыша, па ще мабудъ було и въ головци; ийде, па соби пидъ нисъ щось-шаке и мугыче: а дали и вздривъ кобылу, па й каа: що за ледащо мий Охримъ! (а ёго бапрака, па звали Охримомъ;) кобыла, каа, зийшла прошивъ почи зъ двора, а винъ и байдуже; колыбъ шо мыни и пиймашы! А дали знявъ зъ себе поясъ, завъя-

завъ ёго пѣшлею; ша й спавъ до неи пидкрада-
шысь, ша знай цмока, ша прыговорюе: „шпрусѣ,
ряба, шпрусѣ.“ — а дали якъ пидѣйшовъ близень-
ко, якъ закъне йъ на шыю поясъ, якъ крыкне:
шпру! якъ пошягне до себе, а кобыла якъ упа-
де, а мы шакъ и зарегошадьсь, ша на вшикача;
а ошець Мыкыша и зосшавсь: споишь якъ уко-
паний, и руки и ноги одубили, ни зъ мисця,
а кобыла передъ нымъ лежышь до горы ногамы;
и пидпиркы не вдержалы, якъ пошягнувъ и до
себе, щобъ не вшекла. Та вже описля розказу-
вавъ, що й довго бъ споявъ, ша попада побачыла,
ша й не знала що зъ нымъ и робышы: и
виддувала и водою брызкала, ша насылу зъ мис-
ця звела и увела у хашу; шакъ, каз, цилисиньку
ничъ прясця ёго было, а кобыла усе ниначе въ
вичи лизе.

Такъ ось шакый-шо бувъ скусный маляръ...
ше, ше, ше! шеперь згадавъ: ёго звали Кузь-
мою... ша шакъ шакы Кузьмою, а по бапюсь-
ци Трохымовычъ, а родомъ бувъ — колы чува-
лы — зъ Борысивкы, видкыла що налуччи бого-
мазы, иконопысьци и усякѣи маляри; шакъ и винъ
шо видшыла родомъ бувъ, а у насъ у сели зеле-
нывъ нову дзвиницю. И шакы нигде правды ди-

шы: що вже нишпо лучше ни намалое, ни роз-
 малое, якъ богомазь изъ Борысивки; уже не
 жаль и грошей. А вже якъ Москаль озыменця
 за сее дило, ну! шилки почухайся, ша й видый-
 ды. Торгуемця и запрошуе багацько: дай ёму й
 кошпу, и грошей скилки забажá; а якъ уде-
 релшь, шакъ ну! ёму кажешъ: блакышна; а винъ
 пшвердышь: синя-сша! ёму кажешъ: не годишця!
 а винъ чухаешця, ша каэ: ничаво-сша, для Ха-
 хловъ бряде, падавайше-ка деньги! — Тыфу на
 ихъ голову!

Такъ про сёго-шо Кузьму Трохимовыча
 прочувъ якійсь-шо Панъ, що дуже кохавсь у во-
 городахъ; шакъ бачъ беда: горобци що липа
 повыклёвуюшъ усе що винъ ни посіе. Такъ винъ-
 шо позвавъ Кузьму Трохимовыча, ша й порядывъ
 ёго, щобъ списавъ ёму салдаша; ша щобъ ша-
 кый, якъ живой бувъ; а буде яка хвалшь, пры-
 кыну, каэ, шоби. Ошъ и зпоржылысь за де-
 сяшь рубливъ и осьмуху горилкы. Оджежъ шо
 и змалёвавъ винъ салдаша, ша ще якъ? Що яжъ
 кажу, що й живой не буде шакый брыдкий, якъ
 шо бувъ намалёванный. Пыкашый, мордашый,
 спрашый, ша ще зъ здоровенимы усами. Мун-
 дъръ на вёму лепскый, гудзыкамы позациповац-

вый, що ажъ ссяе. А ружжо? Такъ погибель ёго зна, якъ шо живо списавъ! Опъ шакъ, бачыцца и спрэльне, що й прыступышысь спрашно! А якъ задывцся на нёго, шакъ бачыцца вже и ворущыцца, и ўсомъ морга, и очыма поводышь, и рукамы дёрга, и ногамы дрыга; шакы шакъ и думаешъ: опъ побижышь, опъ бышемешъ! Такъ шо скусно бувъ намалёванный!

Ну! змалёвавши, Кузьма Трохымовычъ и дума: може не вгожу Паюви; шогди пропалы и гроши и робота. Повезу куды на ярмарокъ, ша й поставлю на базари, и буду слухашы, що будуть люде казашы? колы будуть ёго жахашысь и лякашысь, шогди певно беры Кузьмо гроши; колыжъ и сюды и шуды, шо ще пидправляшему, ажъ погы до кинця доведу.

Зибравсь нашъ Кузьма Трохымовычъ, ша й повизъ свого салдаша ажъ у Лыпци, коли знае-ше. Опъ и спавъ шамъ усаму глупу пивничъ, якъ ще усй и ярмаркови была возивъ, и хазяйство по хатамъ спалы, и по шынкамъ народъ порозходывся, и свишло погасылы; и посшавывъ шой папрешъ на самй ярмарци и по пидпиравъ ще лучше чымъ попову кобылу, щобъ ни вишеръ

не звалывъ, и щобъ якый пьяный, якъ попочетця, або свынѣ, звычайно ходячи по базарю, якъ прыйде чухашысь до нѣго, шо щобъ не звалылы; а самъ за шымъ напрепомъ напьявъ яшочку, ша й сивъ щобъ прислухашысь, шо буде народъ казашъ про ёго салдапа; наклавъ на палипру красокъ, шо колы, каэ, шо не такъ, шо я и пидмалую. Упоравшысь зовсимъ, прывивъ, понурывъ голову, ша й задримавъ соби прохы, покы до дила.

Ажъ ось спало на свипъ займашысь. Ище не попрыпужалы уси зирочки, а пакъ шо шилки шо спало сирѣшы, а вже нашъ Кузьма Трохимовичъ и скочывъ, понюхавъ кабаки, прочхавъ; прошеръ очи полою, вже шумъ пакъ ни-колы було поводу йшы, щобъ умышысь; пидперезавсь знова и поясъ прыпягнувъ лепсько, насунувъ шапку по самый нисъ, ша й рукавыци доставъ, бо се — знаете — було объ першыхъ пьяшинокѣхъ, пакъ вже зѣри холодни булы — и сивъ у ящицѣ щобъ прислухашысь.

Першъ усѣго блиснуло свипло у кабаці. Гай, гай! Уже и въ лыпцяхъ завелысь кабаки, нынче, нехай Богъ мылуе! у Рассѣи. Видкыляжъ

шо се узялось? Общесѣво насъ такъ пры-
крушыло, щобъ, бачъ, видкушчыкъ за насъ, хто
не здужа, зносывъ гроши у подушне. А вже
звисно, що видкупщикомъ нашому брапу не бу-
шы, се вже Московскій заробишокъ! Вжежъ
у Москаля зовещя не шынокъ, а кабаць и
шамъ усе Москаль на голо, якъ у Туреччыни
Туркы; ша усе народъ проворный; ни до испъ,
ни до спыпъ, ша усе объ шимъ шилки и дума,
щобъ заробышь копійку. Така вже ихъ Мо-
сковська поведенція! А якъ шилки нашего бра-
чыка хочъ бы и въ кабацц, обдурюють? шакъ
гай, гай! Ошце колы прыйшовъ зъ посудыною,
щобъ купышы до хозяйства на скилки треба
горилкы, ша хочъ шрохы заслухайся, або зады-
выся, шо й не долъе повной миры, ша мерщій и
всыпъ у швою посудыну, и вже хочъ споръ, хочъ
лайся, а вишъ шебе и выироводышь гешъ. Ко-
лыжъ шушь хочешъ пышь, шо й буцимъ шо й
добрый: за гривню зачеркне изъ дижкы шакы
повнисиньку; шушь спанешъ усы розглажу-
вашъ, ша цмокашь, ша вшырашысь, и збираеся,
якъ шо гарненько на шощака выпьнешъ, ша шил-
ки шо руку шиднявъ, и ще и до роша не до-
нись — якъ урагова ёго мамы зна! де ше Мос-
скальча у гаспыда озмешця? шакы ныначе якъ

пой — що... духъ свящъ пры нашій хаши! —
 пидбижышь, пидшовкне... плюсь!... билшь по-
 ловина чаркы назадъ у джжку! Що зоспалось,
 пьешть мерщій, бо розливатьщыкъ спане ще й
 чарку виднимапы. Выпивъ; — шакъ щожь? якъ
 шамъ кажушь: по борода пошекло, а у рошъ не
 попало; а вже й не кажы, що по живопу пишло;
 ничего було гараздъ и проковшнушь. Опшь шака-
 по ихъ Московська вира, щобъ зо всякого зи-
 драпы; шакъ куды, вже имъ и спаны довго?
 Тушь спышь, а шупшь дума, якъ бы пожывышысь.

Опшь якъ засвишылы у кабаці, та й выслапы
 на двиръ пидшовкачку, чы не вздрышь кого на
 вулицы, щобъ заманышь у кабаць. Выбигло чор-
 ша и озираешця. — Подывишесь на нёго: на що
 шо воно похоже? Щобъ шо ёму голову гарнень
 ко пидспрыгшы якъ у людей? а шо паплашый,
 паплашый! Зъ переди, ажъ у вичи ему волосься
 лизе, уха закрывае, по пошылыци бовшаешця,
 ажъ, сердека, усе знай головою попрахуе, щобъ
 шыи пацлы не мошались. Сорочка на нёму не
 шакъ якъ у людей: за мисць билон, якъ пререба
 по закону, вона або червона, або сыня, та ще й
 зъ гаплыкомъ: та на плечи и защепне; шакъ шо
 хшо зроду уперше Москаля побаче, шо й не
 вгада, шо шо воно и ё.

Опть шакый-шо спавъ была кабацкыхъ дверей, поглядѣвъ, поглядѣвъ — и вздривъ що споишъ салдашъ на калавури зъ оруожомъ, (не пизнавъ, що шо намалёванный.) Та й гукае: „Служба! пайды-„ка сюда. Спанъ шупечка здесь, шпобъ надъ „часъ, какъ буде драка, шакъ не дай насъ у „вабеду, а порція адъ насъ буде.“ — Споишъ салдашъ, не ворущишца. Москалча крычышъ у друге, крычышъ и у шрешъ; салдашъ ни зъ мисшца. Дали Москалча злякалось, шобъ салдашъ не розсердивсь, ша не давъ бы ёму шыпкы, покынувъ ёго, ша мерщій у кабаць, шай зачынывсь. Кузьма Трохымовычъ чувъ сее все, усмихнувшись, ша й подумавъ соби: Побачымо, що шо дальшъ буде; ще не велика шшука Москаля одурышъ.

Одже вышкнулось и сонечко. Тупъ спалы рушашы и наши, що понаизжали съ борошномъ шо зъ Деркачивъ, шо зъ Вильшаной, ша булы ажъ изъ Коломака. Що шо, башечку! изъ якихъ шо мисшцивъ на шой ярмарокъ не понавозылы усякого хлиба и борошна! шакы выдымо — не выдымо ихъ шупъ спояло! Колы сказаць, що пидвидъ двадцашъ ихъ було, шо ей же шо Богу моему билшъ. Хмара хмарою; опть що! Тупъ и жышо, и овесь, и ячминь, и пшепыця, и гречка—

и усе, усе було. Прийшло, знаеше, уремя по-
душне зносышь, такъ гроши усякому преба.
Нашъ брачыкъ не бабакъ; вишь жде поры: слава
поби Господы! вишь — нехай Богъ боронишь —
не Москаль, щобъ ёму покынувши жинку, ди-
шочокъ и худобоньку, ша за шою бидною копій-
чиною шляпысь по всёму билому свишови, ша
кровавымъ пошомъ и заробляшь. Та чого шупъ
и вередовашъ? Колы вродивъ Богъ хлибця, ша
давъ ёго зибрашы; шо й дожыдай покы прийде
нужда, що якъ десятички у волосъ попягнушь
и за подушне, и за общесшвѣнце; а шупъ жин-
ка забажа лёну, щобъ на сорочки прясшы, ша
нов го очинка, а дочкамъ плахощъ, або свышь,
ша и усяка нанасъ посшыгне, що прышьмомъ
преба грошей; шогди вже нигде дышысь: везы
хоть вершовъ за двадцяшь, ша чы спала цина,
чы не спала, а шы першого шоргу не кыдайся,
за що продавъ, — абыбъ довго не спояшы, ша й
урывай до дому; ша якъ хочъ, такъ и роцы-
шуй, щобъ и сюды и шуды спало. А якъ удо-
вольишь усихъ, опъ шогди вже справный козакъ!
Лежы соби на печи, у прѣси, покы до новои
нужды; шогди жъ будемо й думашы, де що
узяшы.

Такъ опъ шаки-шо и понаизжалы, и ихъ вже и сонъ не бере. Совечко зійшло, и вонь посхоплювались, щобъ, знаєте, купця не вше-ряшь. Опъ шо гарненько повспававшы, помо-лылись до церковь Богу, ша й послали одного видъ шабору по-воду, бо вже уремя було каши варышы. Пошыгъ Охримъ зъ двома боклагами до крыныци, ажъ гешъ идъ гору, ша йде вульцею.... Зыркъ! — спойтъ салдашъ! — Охримъ бувъ соби парень звычайненькый, знявъ шапку, поклонывсь, ша й казъ: добрыдень, господа служи-вый! А салдашъ мовчышь; опъ виць и пишовъ своею дорогою; а Кузьма Трохымовычъ усмих-нувшись, ша й усомъ моргнувъ и подумавъ: одурывъ и своихъ; що шо далшъ буде? — Ну! Набравшы Охримъ воды, ша идучи до шабора, дума: од-жежъ шушь е посшой! Чы не преба имъ, бу-вае, конямъ вивса, або якого борошна? Та якъ поривнявсь прошивъ салдацького папшепа, ша й казъ: „Господа Москаль! А скажише, будьше ла-сковы, вашому командѣрспву, колы преба вив-са, або якого борошна, шо нехай прийдущъ, ось до шабора, ша спышають Охрима Карлюченка; а въ мене овесець важненькый, чыспый; дешево виддамъ и мира людська: висимъ зъ верхомъ и прычи по боку вдарышы. Пожалуспа жъ не за-

будше; а могорычъ нашъ буде. Напочынь, кеше лышенъ понюхаймо кабаки.“ Сее кажучы, доспавъ изъ халавы рижокъ, поспукавъ объ каблукъ и выпрусывъ на ногошъ; самъ понюхавъ, покрекшавъ, пиднись салдашу, ша ще й прыговорюе: „кабака гарна, шерла жинка Ганна; спара машы, вчыла ии мяшы, дочки розшыралы, у рижкы насыпалы. Кабака важна, Вильшаньска; понюхайше, колы ласка паньска.“ Салдашъ ни чычыркъ, и усомъ не моргне. Не боракъ Охримъ узявъ соби на розумъ: „цуръ ёму, — кае соби на думци: — щобъ ще по пыци не давъ, бо винъ на ше Москаль.“ — Пиднявши боклагы, ша мерщій до пабору, не оглядаючысь, ша й не похвалывсь поварыспиву, щобъ ще зъ ёго не спалы глазовапы. А Кузьма Трохымовычъ сее чувшы, ша ажъ за боки брався регочучы.

Покыжъ сее дїялось, пиднялысь на миспо йшы и бублейшыци, и палянышныцы, и пи' що кухлыкамы пшоно, а ложечкамы олию продаюшь. За нымы пїдшунцемъ поспишалы зъ пырижками, печенымъ мясомъ, вареными хляками, гороханыками и усякымы ласощама, чого шилки душа забажа на снїданья. А шанокъ вела Явдоха Колупайчыха; молодыця гарна, не взявъ ии чоршъ:

чорнява, мордаша, шрошки кырпашенька, шакъ за ше рум'яна якъ рожа; и шакы одягна: очипокъ хочъ зовсимъ вышершый, а бувъ колысь парчевый; кожухъ билыхъ смушкивъ пидъ тяжыною и бабакомъ обложенный, шилки що диркы на нѣму скризъ и по пидъ рукамы, и на бокахъ, ша й видно було що и уся одежа на ній була не просша, а мищанська, бо вона узяша була у Лыпци, ажъ изъ самисинького Харькова и не просшого, а мищанського роду; шушунъ набойчашый, спидныця каламайкава, шилки що не можно було угадашь якого воно цвишу, бо дуже було запачкано олією; вона бо пекла и бублыки, и сласшѣне, а около сѣго дила не можно чысцо ходышы, заразы вымажесся якъ чоршъ, що до видьмы черезъ трубу лазышь.

Ошъ молодыци и крычашъ Явдоси: „а ну, паньмашко! выбирай мисшце: шы у насъ голова; де шы сядешъ, шо и мы была шебе.“ Ошъ Явдоха и узяла булку, ша не зъ своей коробки, сшала прошивъ сходъ сонця, прычи перехресшылась, ша й покошыла ии по сонцю. Кошылась шая булка, кошылась, ша й не зъ опенылась нигде, а прямисинько докошылась до салдацького лапшеша, ша шушь и плюснула. — „Охъ мыни

лыхо,“ закрычали у водынь голосъ молодойци: „якъ шакы быля Москаля сидашъ? Винь намъ шакого лыха наробышь, що не шо що! У одной щышше, у другой хвашше: ша шущъ шаке буде, що и коробокъ не позбираемо. А ну лышень, Явдохо, выбирай друге мисщце; може й не шакъ щаслыве буде, ша все шакы лучше, чымъ дашы Москалю орудовашы надъ нашимъ крамомъ.“

Перевела Явдоха свій цехъ черезъ дорогу; поворожила впьяшь другою чужою булкою и межъ свои положила; а де булка впала, шамъ сама зъ своею коробкою сила, а молодой розсадыла, де кому якъ по чързи прыпало; а чергу шу зробыла сама жъ шакы Явдоха. О! ша й баба жъ козырь була! Цокошуха, ша й цокошуха! — Узялася надъ усимы перекупками опаманувашъ; и видъ десяцькыхъ, видъ головы, ша й видъ самого пысаря обороняшь, шилки щобъ уси перекупкы ии слухалы, и що скаже, щобъ сполнялы, и чого пошребуе, щобъ посшавлялы. Та нехай же бъ и не послухавъ ий хпо? Такъ заразъ и нашлепъ: або свыня бублыкы похвапá, або собака олю выще, або пьяный пипкнешся, ша коробку перевёрне, а вже даромъ не прійде.

Тилки що молодыци любенько посидали и жодна зь своимъ крамомъ розпашовалась, якъ — — Тю! — Москаля чорпъ и вродывъ зь сповницями была ныхъ. Якъ же напущющця перекукы на него! — „За чымъ шушь спавъ? Пиды соби гешъ, спанъ де инше; не мишай шушь православный шоваръ продавать, а самъ иды хопъ до чоршивъ, кроме хлиба свяшого.“ Опъ якъ зашуркалы, зашуркалы ёго — бо звисно якъ наши молодыци, скилки ихъ ни буде, шо якъ заговорюшь уси разомъ у водынь голосъ, пакъ ничёго и не вшоропаешъ; мовъ на лопокахъ вода шумышь — а Москаль и байдуже; знай соби крычышь: гречишныки гарячи!“ — Що шушь на свиши робышы? — Опъ бачушь молодыци шо не перелывкы, прыспалы до Явдохы: „Робы, шо знаешъ робы, а Москаля збудъ.“

Ничого Явдоси робышы: узяла — и усе пакы не зь своей коробки, бублыкывъ пры вязкы и пишла до папреша, ша й далебы шо правда! кланяешця мовъ живому, ша й просышь: „Ваше Благородіе! будьше ласковы, зведишь зь нашого мистця опшого навиженого, капольщкого, бусурменського Москаля, шо спавъ была бублейныцъ зь сповницями. Бачыше якый!“ . . .

а сама зыркь назадъ, ажъ Москаль исчезнувъ, злякавшись, якъ побачывъ, що пишла на нѣго жалоба. Тогди Явдоха, перше що зрадовалась що Москаль ушкь, а далибъ то и бублькивъ спало жалко виддавашъ, колы дила не спало, ша й сама не зна що йъ и робышь, ша шаки и совае бублыкы папрешу мовъ живому, ша й прыговорюе: „кеше, озмише Ваше Благородіе! Пожалуйше; дома здасьшця.“ — Салдашь ни пары зъ успъ. Якъ же роздывышця Явдоха, що се маня; що се хопъ и салдашь, ша не живый, а намалѣванный — засоромылась, почервонила якъ ракъ, ша швидче не оглядаючысь, видъ нѣго, ша бублыкы у свою коробку, и сила! Що вже ни пышала йъ молодыци, що йъ шамъ було видъ Москаля? Такъ мовчышь, ша й мовчышь; ша й кае: „Але! пидишь лышенъ самы, ша й спышайше.“ А Кузьма Трохымовычъ дывышысь на сее, сміавсь — сміавсь соби ныщечкомъ, ша й дума: „Опъ шакъ наши знай! Вже до насъ мовъ до живого зъ поклонамы прыходюшь; ныначе до Засидашеля.“

Ну! що то зъ шого далшь буде? Опъ шымъ часомъ позиходылось народу на миспо вже чы мало. Таки куды окомъ ни глянешъ, що усе люде — усе люде; якъ сараня у поли. И чого-

по шуды не понаносылы, або не понавозылы? Таки шакый ярмарокъ, що ныначе у Харькови объ Пречысшій; усякого шовару, якого шилки подумашъ, усе и ё. Чы грушъ? Такъ и на возахъ груши, и въ мишкѣхъ груши, и купамы груши по насыпани: прыйды, шоргуй; ша зъ якои хочъ купы и скилко хочъ кушшуй, нищо шоби и не побороньшъ. А шамъ Мѳсква зъ лашьямы, ша зъ лыкамы; булы шамъ мыскы, ложки, шарилкы розмалёвани; булы й рещёша и ночовкы, джи, лопашы, сивци, черевыки, чобопы зъ пидковамы, або шакъ шилки гвиздочкамы пидбыши. Тушъ Суздальци зъ богамы, зъ кныжкамы; а по была сласпённости зъ грубкою: шилки спышай на скилки шоби шреба сласпёного, шакъ живо пидниме пелену, ша й зниме спару онучу, що ею горщыкъ зъ писшомъ покрышый, щобъ, знаешъ, не проспывало на холоди; пальци послыне, щобъ писшо не прысывало, ша й ущыпне шисша, ша на сковороду у волю, ша заразы и пряжешъ и подае; а вже олією не скупышця, бо шакъ зъ пальцывъ и пече, шилки знай обсмокшуве. Тушъ же была неи була и кабака и шюшюнь; а шамъ залізный шоваръ: пидковы, гвиздочки, сокыры и усе, що шреба. А шущъ лавкы зъ краснымъ шоваромъ для Панивъ: спруко-

вашый перець на ныпкахъ, родзынки, хвыгы, цыбуля, слывы, горихы, мыло, медянычкы, грошови свичечкы, шараня по весни зъ Дону навезенная, и суха и солона; кавьярь... Тупъ яловычына, нижкы, головки и свынына для нашого браша. Дёгошъ и въ шерипвасахъ и въ мазныцяхъ, продавалысь и сами квачи; а по быля споялы бублыки, буханци, грычаньки, у ночовочкахъ носыли печеню шмапками покрояну, на скилки шоби шреба, на спилки и беры. А шамъ купамы капуста, бурякы, морква огородня, а хашиёи гаши жинкы не продаюшъ, а держушъ про нужду, на нашу голову. Тупъ же бувъ хринъ, рипа, гаршопи, що вже швидко хлибъ свящый зъ свиша Божого зженушъ... Та яжъ кажу: нема шого на-свиши, того шамъ не було; и якъ бы грошей до сына, накупывъ бы усёго, ша й ивъ бы цилый годъ.

Булы обидья, булы и колеса, вийя, двійла, люшпи. Булы свышы и прёшого уразивського, и мыльного сукна; булы кожухы, поясы, шапкы, и козацькы и капелюхы. Бувъ и дивчачий поварь: скиндячкы, сергы, баёвыи юпкы, плахпы, шыпи рукава и хуспкы. Жиноцькы: очипкы, серпанкы, рушныкы шыпи и зъ мережкамы, греб-

ни, дньща, верешена. Була и сль шовчена и
глына жовпа.....

А промежъ шакои пропасшы повару, що
шо народу було! Крый Машы Божя! Ще про-
хи чы не билшь, нижъ на воскресеные у вушпре-
ни, якъ Хрыста дочышуюшца, або й на Иордани,
шакъ що прошовпышысь не можно. Той купуе,
шой шоргуе, шой спорышь, шой шоварышью
склыка, шой на жинку гука, ши лаюшца, ши
йдушь могорычи запывашь; сшарци спиваюшь
Лазаря, кобылы ржушь, шой возомъ иде, ша
крычышь: по глыну, по глыну! а на зусприть
ёму выкрыкае: по горшкы, по горшки! Перекуп-
кы хвашаюшь за поды парубкывъ, ша школя-
ривъ: „ходы сюды, дядюшка!“ Крычашь: возьмы
умене Паныченьку. Опъ бублыкы гаряченьки,
прямисинько зъ печи; (а що ще зъ пивночи ихъ
повыньмала, шакъ про ше и мовчышь) ось у ме-
не на самій оліи, а въ мене зъ мачкомъ, ша-ша,
ша-ша, ша й нерозберешъ що воны шамъ и кры-
чашь. А шушь чумаць продавши сль, що зъ
хурою прыйшовъ зъ Крыму, нанявъ пройсшу
музыку, ша й иде по ярмарци: скрипкы рып-
ляшь, цымбалы брязчашь, а самъ чумаць иде за
нымы, якъ бувъ у дорози и башижоць закнуувъ

за спыну, рукава у дѣгшаной сорочки позасу-
чувавъ, ша й несе у водній руди поввисинькій
шпохвъ горилки, а у другій руди чарку, ша
кого здря, шакъ и часшуетъ; а якъ наливае, шо
шакъ на доливку и лье, и не жалкуе. Якъ же
поривнявсь прошивъ дигшаривъ, ша вздривъ ше-
ришвасъ зъ дѣгшемъ, шо шакъ у нѣго и вско-
чывъ зъ чѣбошамы, ажъ вышче колина, ша й гук-
нувъ на хазяина: — „Видвичаю! Зважъ описля,
скилки дѣгшу чѣбошы наберушь. — Гуляй душа
у роскоши!“ — Та ще и спавъ ногами шупо-
пишы и дѣгшемъ позабрызкувавъ чы мало шущъ
народу. А шамъ чутше ведмидь реве и шанцюе,
а Цыганъ выкрыкуе: „а ну, Гаврылку, якъ
спаріи бабы пьяни валяющія!“ Цыганка воро-
жышь, ша прыговорюе: и щасливый, уродли-
вый; положи пьяпачка на рученьку, усю правду
скажу. Цыганчаша халидры шанцюють, ша
крычашъ не своимъ голосомъ, мовъ чорпъ зъ
ныхъ лыка дере. А шамъ Цыганъ шуды жъ зъ
своею шкапою: знай божишця и жинкою и дишь-
ми, ша проклина свою душу, и башька и ма-
ширь, а все за шымъ, щѣбъ спару, слипу, са-
пашу, и зъ выбышною ногою кобыду продашь за
мисьць молодои. Та якъ обшупляшь нашого
браша Цыганське навожденіе, шакъ не знаешь,

що й робышь. Якъ напускашь мару, шакъ самъ бачышь, що шкапа прѣхъ денежокъ не спѣишь, а ты шилки дывысся, ша лупаешь очыма и не знаешь куды видъ нихъ дышысь. Той божышця, другый шоби суне у руку оброшь съ шкапою, прешій шагне зъ швоеи кышени хуспку, де гроши завязани, а сей вже здачу дае, ша уси гуршомъ волочушь пидъ яшку могорычи запываши. Такъ що — яжъ кажу: помы схаменесся, дывысь: хошивъ свое ледащо продашы, а прокляши Цыганы усунулы шоби у руку шаку папыку, що й скипкамы гыдко узяшы, ша за шаку цину виддалы, щобъ можно було и вола купышь; ша ще за мойжъ гроши и горилку пылы, а дали, за мисць дякы, у вичи насміялысь: „шкапа швоя, чоловіче, кажушь, шрохы не добача, шакъ купы ій окуляры, ша й почепы на вичи, якъ Панычи у городи носять, шо ще пошыгне. “...

Опъ шаке-шо шамъ було, що и розказашы усѣго не можно. И усякій народъ хшо шамъ ни бувъ, що йде былы шого салдацького папреша, усякъ шапку зниме, ша й скаэ або: добрыдень! або: здраствуйше, господа служба! — А служба ни чычыркъ: споишь соби гарненько, и пальцемъ

не кывнѣ, и очыма не поведе, и ўсомъ не моргне. Такры ныхпо — ныхпо не вгадавъ що по намалёваннѣй. А Кузьма Трохымовычъ сміався — сміався, регошався — регошався, а дали узався за бокры, ша й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручки поскладавъ, ша й мовчышь сьдючы у своій япци, ша й дума: що по далшь буде.

Ажъ ось, де ни взався салдашь, ша вже спражній салдашь и жывисинькій, опъ якъ мы зъ вами. Ходышь винъ по базарю, вызыра — вызыра — и вже одынь рушнычокъ у молодычкы изъ купы и зпиагнувъ, и въ кышеню запаковавъ; учысывъ и бумажну хуську у Чугуевкы, шаку що грывень шисъ споншь; выдризавъ зъ воза и винокъ цыбули, и заразы за пивцины и продавъ, ша усе шакры хыпро — мудро зробывъ, що ни жодень хазяинъ и не зчувсь. Дали прыйшовъ, де груши продаюшь; бачышь, що пры возахъ сами хлопцы, ша й ши рошы порозивлялы и дывляюща на ведмедивъ. Винъ шакры и положывъ руку на мишокъ; ныхпо не баче. Пошыагнувъ ёго до себе; ныхпо не баче; положывъ на плече; ныхпо не баче... ша не озыраючысь и чкуруивъ соби куды ёму треба. Ажъ ось кынулось хазяйство: бачышь що Мо-

скаль безъ спрoся узявъ повниси́нькій мишо́къ грушъ, ша ѣ прешъ ёго мовъ свое; разомъ гукнулы на нёго, ша ѣ побиглы за нимъ на здо́гно. — Не хыпрый же ѣ Москаль! чымъ бы на впи́кача, а винъ иде собы́ любенько, мишо́къ зъ грушами несе, ша ѣ спива: *Малодка, малодка маладая!* — Ажъ шушъ ёго за мишо́къ.... сипъ! — „На-що шы груши узявъ? сякий шакий сыну!“ пыпающыя ёго у водынь голосоъ. Споишь сердека, очи вывалывъ мовъ баранъ, дали озырнувшись, ша ѣ каэ: „нѣшпа шо ваши груши-сша? — „Аджежъ не чѣи, якъ наши.“ — А винъ якъ крыкне на ныхъ: „Ахъ вы, хахлы безмозглы!“ (А зараэъ даяшысь: щoбъ шо на передъ розпышашы, ша шогдибъ вже и даявсь скилки хошивъ, такъ бачъ же: Московська вира шака!), „а за чымъ вы, каэ, мыни шогди не сказали, какъ я съ воза мишо́къ узявъ?“ Та до нихъ зъ пенею: „вы, каэ, зиваете на спаранамъ, а я вопъ нисъ, нисъ, да воша какъ умарылся, да амуницію пашёръ. Вопъ вышь мундѣръ запачкаль; давай сюда деньги на вычышку.“ — Наше хозяйсшво щoбъ шо и сюды и шуды; шакъ дежъ! ни прыспуну, ша ще ѣ лае. А дали ухвашывъ за комиръ и шягне, и крычышь: „давай на вычышку, ша за праходку; я казѣнный мундѣръ

папёръ и сапагы шапшавъ, давай дай полька.“—
 Наши ни выдхрыскюшця, ни выдмолюшця: цуръ
 шоби, кажущъ, башечку! Здилай мылосць, гос-
 пода служба! озымы соби и груши зъ мишкомъ,
 шилки видченысь и пусшы! — Такъ де! Такъ
 репьяхомъ и узивсь и каэ: „Мынѣ чужово не на-
 да, не хачу вашихъ грушъ, а падай маё.“ — Що
 шушь на-свиши робышы? — Ище шакы поду-
 малы сякъ-шакъ видвернушысь: хошили ийшы
 до Волосного Правленія, шакъ Москаль не шін
 спива: „вонъ, говорышь, мая каманда“, шай пока-
 зует на салдацькій папрешъ: „пайдёмъ и къ нё-
 му.“ Наши бачушь що не перелывкы, спрашно!
 Кынулы ёму пъяпыалшынного; — шакъ ни, каэ,
 веды до япкы, посшавъ за проходку кваршу
 водкы. Ничого робыны: посшавылы, абыбъ од-
 чепывся, ша не вивъ до салдаша що зъ оружомъ
 споишь. Якъ же описля розслухалы, ша розды-
 вылысь, и видгадалы що шо не жывый, а нама-
 лёванный, шакъ ажъ объ полы рукамы вдарылы,
 ша — фишь, фишь! посвыспалы, ша й пицлы до
 возивъ. А Кузьма Трохимовычъ у свойй япци
 шакъ и качаешця зо смиху.

Уже було гешь-гешь, пушъ и дивчаша
 зибрались ийшы на ярмарокъ; бо все пиджыда-

лы, щобъ поридшало народу на миспци, а шо якъ у писноши, шакъ думалы що ихъ не шакъ розглядюшь. Ось и шягнешца вызка ихъ, ша усе на пидборъ: одна видъ другои чорнявиша, одна видъ другои краца. Порозряжувани шакъ що Господы! Середу ддя сонечко прыгрило, шакъ воно й шепленько; опъ воны и повыхоцлювалысь безъ свышокъ, а въ самыхъ баёвыхъ червоныхъ юпкахъ, шакъ-шакъ що якъ макъ цвише! Скиндячки на головахъ усе по-Харькивьски полбжени, косы у дрибушки позаплишовани и жовшымы гвозды-камы, любышкомъ, чорнобрывцями и мяшою позаквичувани; у сорочокъ рукава и пидпечкы повышывани, ша повымережувани; на шыяхъ намысна у кожнои разкывъ по десяшь, колы ще не билшь, ажъ шыю гне; золоши дукашы, ша срибни хресшы шакъ и ссяюшь; плахшы каршацкы, запаскы и шовкови и колистасши, поясы каламайкови; ша уси якъ одна у червоныхъ червычкахъ, и въ билыхъ, ша въ сынихъ нантишкахъ. А за диломъ же воны й выйшлы? а якже? Выпришкывъ куповашы, ша щобъ ты не пожаршуюшь парубкы зъ нымы; вже звысна дивчача нашура, хочъ у Пансшви, хочъ у мужицшви.

Опъ ходюшь по ярманку, де що соби выгадуюшь и регочущя, якъ одна зыркь!... спо-

ишь салдаць! — „Дивчашка! — каа ныщечкомъ: „див-
 вилесь; у насъ поспой; салдаць!“ — „Брешышь!
 де ты ихъ уздила?“ пышающа ии и розгляда-
 юшь усюды. — „Та онде, онде была дигтярнои
 лавкы спойшь зъ оружомъ калавурный!“ —
 „Такъ и ё!“ — гуквулы уси, ша й почалы, по
 щебешапы, шо сміяшысь, зъ миспця на миспце
 переходюшь, ша одна другу пха, шо буцимъ
 сполыкающа, щобъ салдаць до ныхъ озырнувсь,
 ша зачепывъ бы копру изъ ныхъ; опть шушь бы
 имъ и пишла лахва, шушь бы воны и спалы ёго
 роспышовашы: чы шушь проходомъ, чы поспо-
 емъ? опть шушь бы ёму и сказали, щобъ зъ по-
 варышвомъ прыходылы до ныхъ на вечерныци,
 бо вже воны дуже давно бачылы що пушнѣ, а
 свои парубкы оспылы и обрыдлы.

Опть и вызвалась зъ ныхъ Домаха и каа-
 говорышь: „А прывайше лышень: я пиду побыля
 ёго. Та вже не я буду, щобъ винъ мене не заче-
 пывъ; ось дивилесь лышень; ша глидишь, колы
 преба буде, шо видкыкайшесь до мене.“ — Опть
 и пишла, буцимъ шо и не вона. То сюды, шо
 шуды озырнешця, ша писеньки пидъ вись соби
 мугыче, шо хусшочкою помахуе, шо нахылышця
 пидвъязку пидвъязовашы; опть вже и до салдаца

доходышь, ша ныначе зъ кымъ нѣбудъ и розмов-
ляе: „де-шо шупъ шпалѣры, ша шумыха про-
даешця? колы бѣ мыни хшо показавъ?“ ша й за-
спива соби нышкомъ . . . О! що шо вже за див-
ка! Вона не знала якъ лидъ кого лидвернушысь?
Вона не вмила якъ кому прышвы прышыпы? —
Ге! и проворна, и жаршовлыва була, ша шакы
и свипа выдала: бо ажъ два года у Харькови по-
мойкамъ заробляла, шакъ їи вже не вчышы; усе
знала!

Якъ побачылы подругы, що вона вже блы-
зесынько видъ салдаша, а винъ ище їи не зачи-
па, мабошь не бачышь, ша й гукнулы до ней ра-
зомъ: „А куды шы, Домахо, пишла?“ — А вона
была салдаша споить и хуспочкою махае, а сама
шакы голосно крычышь: — „Ось куплю шумыхы
на кшипкы, колы якый чоршъ не перепыне!“ —
А нашъ салдашъ споить! Ни зачипляе, ни пере-
пынае и ни чымъ їи не заньмае. — „Що за не-
добра мапы!“ думае Домаха: „шакы была сами-
синького ёго йшла, а винъ мене и не займа; хы-
ба не сміе, чы що? — Та вжежъ вернусь ще.“ —
Опъ и вернулася, и шакы была самисинькихъ
нигъ ёго йде, и впустила хуспку буцимъ не
знарокомъ, думаючи, що салдашъ гукне на ней

щобъ вернулась и підняла хуспку; опъ шупъ, вока зъ нымъ и заговоришь, опъ и пожаршуюшь, а шамъ и підушь лады... Не зъ чорша жъ хыпра й Домаха!... Такъ щожъ бо? — Лежышь хуспка, а салдаць и волосомъ не двыгне. — Спала наша Домаха, ша й оглядаешця и каа голосно: „Охъ мыни лыхо!... загубыла хуспку... колы бъ хшо піднявъ, ша выдавъ, шо я вже знаю, якъ бы ёму подяковала!“ —

Озыраешця сердешна и погляда изъ підлибья. Та ба! Сщопишь салдаць и на хуспку й не двынешця. — Нигде Домаси дышысь; пререба вершапысь! — Опъ бы шо и підбига, и выжыда, и каа, и говоришь: „Опъ беда! лежышь моя хуспочка била самисинького салдаца; якъ шупъ узяпы?... Я боюсь, щобъ винъ мене не вхопывъ, або зъ оружжа не зашпрелывъ!“ — Підійшла; — и нахыляешця и ненахыляешця, и беребъ шо й не бере, а усе выжыдае салдаша... шакъ щожъ бо? — Не на такого наскочыла!... Дали нахылылась, и проспяга руку ныначе не ившы, а сама усе двынешця на нёго; а дали якъ прыдывылась... якъ зарегочешця на всю вулицю... а дивчаша и видизвалысь до неи: — „А що винъ шоби шамъ говоришь? Домахо — Домахо;

Ну бо кажи, що говоришь? "... „Але! говоришь!“ — крычышь Домаха, ша скилки зря вид-пишь, ша за смихомъ и слова не вымовышь.

„Що... що шаке... що винъ шоби казавъ?“ — обштупывши дивчаша Домаху, у водынь голосъ выпышуюшь. — „Эге! що казавъ? — каз Домаха: ша по не живой, шо ёго парсуна.“ — „Ё!“ гукнулы дивчаша и пидбиглы розглядашы.... ажъ справды намалёваный. Регошались — регошались, выгадовалы де що, ша й пицлы гешь по ярмарку. А сее чувшы и багашо де хшо пидходылы вже небоячысь; розглядашы, роздвляшцы, ша й скажущь: „шакъ и ё, що намалёванный!“ — ша й пидушь соби.

Сміявся-сміявся Кузьма Трохимовычъ, а дали й подумавъ, що вже пора знимашы свого салдаша, ша на визъ укладашы и чурхашы до дому, ажъ ось почувъ крыкъ, галась, шулошню, регишъ, писни, сопилку... ша й прысивъ у яшци.

То наспупало парубоцство: шевчыкы, кравчыкы, ковали, свынчыкы, ганчари и зо усякого ремеслва бурлацство, наймышы видъ хозяйства, башьковы сыны — зибралися усьи на ярмарци погуляшь. Хшо попродавъ свій шоваръ, а хшо

покупывши чого ёму було треба ище зранку, и попывши могорычи, шеперь попидголювавшысь любенько, понадивалы: хпо нову свышу, хпо кыпаёву юпку, хпо ще башькивськый, хоть и старенькый, па жупань, попидперизовавшысь шпéшненько хпо каламайковымъ, а хпо й сукоянымы поясамы, понадивалы на пидголени головы шапки козацьки, зъ рещешиливськыхъ смушкивъ зъ червонымы сукнянымы верхамы, у шыжыновыхъ шпаняхъ, у чóбошахъ зъ пидборами юхшовыхъ, а хпо й шакъ у шкаповыхъ, па шакъ повымазуваныхъ, що дёгошь шакъ зъ ныхъ и шече, а пидковы проха не на пядь. — Опъ позакручувавшы усьы, идушь лавою, шилки зъ боку на бикъ перевалуюшця, рукамы розмахуюшь, люльки шыгнущь, и що ё голосу, ажъ жмуришця, па спивають Московськои писни: *При даньмусьци стояла*: и де йдушь, шо шакъ видъ ныхъ люде и розспукающця, бо вже не попадайся имъ на дорози ничто: чы перекупкы зъ коробкамы, чы Москаль зъ квасомъ, чы слинци зъ поводапаремъ, чы баба спара, чы дивка молада имъ на зусприть, никому нема розбору, неважають никого, шакъ усякого прямо лавою и прущь, и валяють; — а самы й байдуже: ни-

наче й не бачушь ничего и буцимъ — шо й не воны.

Ошце шо воны зазрившы дивчашъ, пошягнулы зя нымы, щобъ шакъ спиною на ныхъ и напершы, а якъ воны розбижашця, шакъ шущъ и ловышы, и пожаршовашъ зъ нымы, и поженыхашься ... Звисно молодецьке, парубоцьке дило! — А щобъ ихъ хшо могъ зопынышы? — Ну, ну! — Ни, кусала шака. Воны усею громадою не разъ и самому пысарю давалы шакои пынхвы, що насылу прочхавсь; а десятички, шакъ-шакъ видъ ныхъ и ховающця по пидъ плошамы. Такъ шущъ вже ничего! — Нехай — каэ — Хлопци нагуляющця; билшь копы лыха не паробляшть.

Одже шо якъ накнулы окомъ на дивчашъ, и йдушь воны по быля малёваного саддаша, а ихъ вапажокъ, Терешко швець, знявъ передъ нымъ шапку, ша й каэ: *Здрастуйте, господа служба!* ... Тушь якъ зарегочешця народъ и перекупкы, и купци, и ши що пры возахъ, ша якъ крыкнушь на нёго: — „Тюшо, дурный! — ша шо намалёванный. Хыба шоби повылазыло? Ош-шо оглашенный! Не розбере!“ ...

Нашикъ же панъ Терешко ракивъ, якъ и самъ розгладивъ, що справды саддашъ намалёван-

ный и що увесь базарь зъ него глузую!... — „Теперь, дума сердека, не буде мыни прѣсвиш-ку: будушь мыни сміяшысь и будушь незнашь що черезъ сее прикладовашы. — Ё не ё! що шупъ мыни на свиши робышы?“ — Сстоишь, зажу-рывсь, ша й дума. А дали зхаменувся, ша й заре-гошавсь. — „Буцимъ що — каэ-говоришь: — я и не бачывъ, що се не живой, ащо се шилки па-шрешъ! — А поклонывсь ёму зашымъ, щобъ по-драшовашъ зъ маляра: чы шакъ же шо й малю-юшь? О бодай ёго мара малёвала! — Се и сли-пый розглядышь, що се пашрешъ, а не живой чоловикъ. Хыба шупъ булы шаки дурни, що приймалы ёго за живого? Не знаю — Тфу! ша чор-зна що й надряпано. Дивишесь, люде добри! хыба шакъ шьещя чобишь? — Я швецъ на все село, шакъ я вже знаю, що халява ось якъ бува (ша й спавъ пальцемъ по пашрешу надряпова-шы); ошъ и въ пидборахъ брехня; ша й пидёмъ не шакъ.... ша шакы и усе не шакъ. Цуръ ёму; пайдёмъ; хлопци, далшь. — Намалёвавъ же якыйсь-шо дурень!“ — Ошъ и пицлы соби своею дорогою.

Та й закрушывъ же носомъ нашъ Кузьма Трохимовичъ, нынче шершого хрину поню-

хавъ! — Зъ биса жъ бо ёму досадно спало, що у весь базаръ, и що по на миспи народу було, шаки, мабоше, душъ зъ пѣяшдесять, колы ще не билшь, ша уси жъ по до единого, уси не пизналы що салдашь намалёванный, а думалы що жывый, а шущъ чорпъ ёго зна видкыля узавсь швецъ, ша й закепковавъ ёго робопу ни на що. „Се вже — каэ соби: — курамъ буде на смихъ. Я шаки, правди, объ чобобахъ не дуже й доглядавсь; може воно що не будъ и не такъ. Я шилки и спаравсь щобъ ёму шваръ, и сáмъ винъ увесь, и мундѣрь, и оружжо, щобъ такъ було ныначе живе; а объ чобобахъ и байдуже; бо недумаваъ, щобъ хшо вже шуды спавъ доглядапысь, де й нужды мало и куды не усякъ и дывыпця. — Нехай же такъ буде, якъ швецъ каэ; перемалюю, щобъ и ёго уконшеншовапы, и щобъ ни якого хвалшу не було у моѣ робопи.“

Нѣчого ёму робыпъ: вылизъ изъ своеѣ япкы, доспавъ палипру зъ краскамы и пензиль, пидмалёвавъ якъ шамъ швецъ надрыпавъ, ша й опьяпъ полизъ и каэ: „Нехай; пидожду покы краска пидсохне, а шамъ и вбирашемуса до дому. Теперъ швецъ не скаже, що не такъ чобыпъ намалёванный.“ —

Ажъ, гулькѣ! — Терешко зъ парубками, не догнавши дивчашъ, вернулись на переймы, и йдушъ опьяшъ по били салдацького папреша. Ось одишъ парубокъ и розглядивъ ёго, та й каэ: — „Дывись, Терешку! послухавъ шебе маляръ, шакы перемалювавъ чобишъ, якъ шы сказавъ.“ — „Эге! — ищебъ шо не послухавъ — каэ Терешко, пидсунувши шапку на саме шимья и узавшысь у боки: — *Я вже сылу знаю и заразъ побачу, що не до шыгы.*“ — А якъ же ёму и досе досадно було и на маляра, и на папрешъ, що черезъ ныхъ довго ёму будушъ сміяшысь, опъ и думавъ ще шакы за нехаяшъ ёго, щобъ маляра зо всимъ збышы зъ паншальку; по свыспавши й каэ: „Опъ и сёго не зшерплю, скажу, бо вже бачу що не шакъ. Чобошы якъ чобошы; шакъ мундѣръ на нёму не шуды дывышця: преба щобъ рукава ось шакъ“ ... — *А зась не знаешъ? — обизвавсь Кузьма Трохымовычъ изъ своей япки: — „Швецъ! знай свое шевство, а у кравецтво не мишайсь!“*

Якъ же зарегочешця увесь базаръ слушаючы сюю кумедню и що якъ Кузьма Трохымовычъ выдризавъ Терешку шевцю! Якъ пиднялы ёго на смихъ! Регошались зъ нёго, регошались, ша

шакъ же шо, далеби, що не шо що, що ажъ за
ричкою чуже було. А Терешко нашъ якъ попяг-
не не оглядуючысь, ша ажъ забигъ не знашь ку-
ды. Кузьма жъ Трохимовычъ пыхенько соби по-
сміявшысь, ша зибравшысь, поихавъ зъ папре-
шомъ до свого Пана, ша по уговору, грошыкы
и горилочку зъ нѣго зчысывъ, ша й правъ. Яр-
марокъ розійшовсь; шилки вже Терешкови вир-
валась нышка верховодышы хочъ на вулицы, або
на вечерицяхъ, або и у шинку. Тилки що за
балаишрасышь, а шушь ёму хшо небудь и вриже:

*„Швецъ! знай свое шевство, а у кравец-
ство не мишайсь!“*

— шо шакъ языкъ и прыкусышь — и вже пи-
чычыркъ. —

Ошъ и вся.

